

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №2, Том 10 / 2019, No 2, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK219.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шевченко Т.С. Окказионализмы в русской эмигрантской прессе 1940-х годов (на материале публицистики Ильи Сургучева) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK219.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Shevchenko T.S. (2019). Occasional vocabulary in the Russian emigre press of the 1940s (based on Ilya Surguchev's journalism material). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK219.pdf> (in Russian)

УДК 811.161.1.06

ГРНТИ 16.21.33

Шевченко Татьяна Сергеевна

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия

Старший преподаватель

E-mail: shevchenko31569@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1465-2205>

Окказионализмы в русской эмигрантской прессе 1940-х годов (на материале публицистики Ильи Сургучева)

Аннотация. В нашем исследовании представлена гипотеза, что Илья Сургучев, русский эмигрант первой волны, драматург, публицист, прозаик, конструирует собственную языковую систему на всех языковых уровнях. В настоящей статье останавливаемся на том, насколько творчески он использует потенциал словообразовательного уровня русского языка.

Статья приводит к выводу, что Илья Сургучев использует окказионализмы как творческое средство выделения наиболее ярких примет непосредственно воспринимаемой действительности на сломе эпох. Представлена классификация окказионализмов: они могут быть экспрессивно-выразительным средством, то есть выполнять роль стилистических синонимов известных понятий; либо выполняют номинативную функцию – называют новые явления из социально-политической сферы общества.

Представлено наблюдение, что в тексте Сургучева окказионализмы функционируют в кавычках, либо в сопровождении различных метаязыковых маркеров, либо без всякого выделения.

В результате исследования языка «Парижского дневника» И. Сургучева (сборник его публицистических статей 1940-х гг.) нами обнаружены примеры аффиксального, безаффиксного (сложение и конверсия) и смешанных способов окказионального словообразования. Проведена классификация способов образования окказионализмов на материале более сотни выявленных примеров. Способ сложения представлен шире всего. В статье это объясняется необходимостью для автора найти ориентиры, вычленив слагаемые стремительно меняющейся действительности «здесь и сейчас» для получения представления об общей сложной картине. В статье говорится, что аккумуляция примеров одного приема в той или иной композиционной части произведения, в свою очередь, служит созданию сложного повтора, анафоры, эпифоры, градации, параллелизма и т. д.

Особо подчеркивается, что стиль Сургучева формировался в условиях многоязычной языковой среды на сломе эпох и на десятилетия продлил традиции дореволюционной отечественной публицистики и литературы.

Ключевые слова: окказионализмы; словообразование; способы словообразования; язык публицистики русских эмигрантов первой волны; Илья Сургучев; идиостиль

Илья Дмитриевич Сургучев (1881–1956 гг.), эмигрант первой волны, проживший с 1925 года и до конца дней в Париже, драматург, публицист, прозаик, оставил богатое творческое наследие, которое до сих пор практически не становилось предметом отдельных лингвистических исследований. Мы предпринимаем попытку поуровневого описания самобытного языка его публицистики последних лет – итожащих и роковых (результаты соответствующего диссертационного исследования частично отражены в наших публикациях [1; 2; 3] и в других). «Парижский дневник» [4], анализируемый нами, написан во время Второй мировой войны, в оккупированном Париже. В наших предыдущих публикациях мы делаем вывод, что «...публицистику И. Сургучева характеризуют мультикультурность, полилингвизм, полифонизм, интертекстуальность, стилистическая конвергенция» [1, с. 223]. Все перечисленные черты указывают на такую доминанту творчества Сургучева, как преодоление рамок и канона, на то, что Сургучеву как креатору тесно в каких-либо языковых и литературных границах; в решении писательских задач – от жанра до параграфемии – он выходит за пределы общепринятого, конструирует собственную языковую систему на различных уровнях и подуровнях. При этом, будучи глубоко образованным человеком, сведущим в различных гуманитарных областях, порой антагонистичных по отношению друг к другу (как, например, ортодоксальное христианство и эзотерические учения Востока и Европы), Сургучев глубоко вникает в канон, прежде чем его преодолеть.

В своих публикациях мы анализируем жанровые особенности, грамматические, ритмические и образные средства, полилингвистическую ориентированность и другие характерные черты сургучевского текста. В настоящей статье останавливаемся на том, насколько творчески И. Сургучевым используется деривационный потенциал русского языка, учитывая, что словообразовательный ярус предоставляет носителю языка вполне традиционные инструменты обновления лексики и отчасти морфологии, что глубоко и всесторонне изучено в русистике (например, в работах И.Г. Милославского [5], В.П. Изотова [6], Е.А. Земской [7], И.С. Улуханова [8], Н.Д. Цыгановой [9] и др.).

Одной из доминант архитектоники прозы Сургучева является неравномерность распределения стилистических средств в разных композиционных частях произведения с аккумуляцией конкретного художественного приема в той или иной главе или ее части. В «Парижском дневнике» диапазон стилистических средств широк, но в отдельных главах-статьях вместо разброса таковых средств обнаруживается высокая представленность примерами нескольких приемов: в сургучевской публицистике имеет место кластеризация средств языковой выразительности. Таким образом, каждая публицистическая статья «Парижского дневника» характеризуется индивидуальным стилистическим и композиционным решением. Так, окказионализмы самой большой группы – сложносоставные прилагательные – сосредоточены всего в нескольких главах. Нанизывание примеров одного приема, в свою очередь, служит созданию сложного повтора, анафоры, эпифоры, градации, параллелизма и т. д.

Окказионализация – способ творческого отображения действительности – используется художниками слова для создания наиболее ярких художественных образов, что необходимо в переломные моменты истории, когда действительность, меняющаяся на глазах, требует

обновления и языкового арсенала творца. Известно выражение М. Хайдеггера: «Язык – дом бытия» [10, с. 193]. Эмигрант, оказавшийся без дома и без предпочитаемой языковой среды, но наделенный выдающимися творческими способностями, приходит к потребности создать новый дом – и пересоздать язык.

Илья Сургучев использует окказионализмы как творческое средство кристаллизации наиболее ярких и парадоксальных примет непосредственно воспринимаемой действительности на сломе эпох. Окказионализмы могут быть как экспрессивно-выразительным средством, то есть выполнять роль стилистических синонимов известных понятий (*архизаконнейший, Парижск, прооппозиционировали*), так и выполнять номинативную функцию – называть принципиально новые явления социально-политической сферы общества (*возрожденцы*). В тексте Сургучева окказионализмы функционируют в кавычках, либо в сопровождении метаязыковых маркеров, либо без атрибуирования.

В результате исследования языка «Парижского дневника» нами выявлены аффиксальные, безаффиксные (сложение и конверсия) и смешанные способы окказионального словообразования.

Среди аффиксальных способов наибольшее количество окказионализмов в «Парижском дневнике» дала **суффиксация**.

Среди имен существительных выделяются окказионализмы, образованные с помощью:

1. суффикса -ец- со значением ‘лицо’: *возвращенцы* (в данном случае окказиональное употребление выделяется метатекстовыми средствами – слово взято в кавычки), *возрожденцы, милюковцы, гукасовцы*;
2. суффикса -иц- со значением ‘лицо женского пола’: «Отыскал бы потомка или, так сказать, *потомицу*» [4, с. 17] (метатекстовое средство, маркирующее окказионализацию, – «так сказать»);
3. уменьшительных суффиксов: -ец- («А вашего «Хвалите» – этого, с *аккордцем* в последнем аллилуйя, не поют?» [4, с. 72]); -ик- («...где-то на азиатском пяточке начала брезжить маленьким робким *светиком* новая свечка» [4, с. 194]);
4. увеличительного суффикса -ищ- («Вот это – поэтище» [4, с. 80]);
5. суффикса -ость- со словообразовательным значением ‘отвлеченное понятие’: «И вдруг до *ослепительности* стало ясно... [4, с. 46]; «А в человеке, странное дело, просыпается *песенность*» [4, с. 74]); с помощью этого суффикса образованы также окказиональные формы множественного числа существительных *singularia tantum*: «Когда свинья-жизнь так ярко показывает свой свиной золотой пятак, блестящий *светлостями* солнечными» [4, с. 239]; «Вместо всех писательских *выдуманностей* пишу дневник» [4, с. 237]; «Он погружен, как дремлющий Тегеран, в свои восточные *призрачности*» [4, с. 115]. Окказиональная форма множественного числа встречается и с другим отвлеченным суффиксом – -ств-: «Ни разу, как монашенка, не взглянув по сторонам, она точно ощущала пчелиные уколы направленных на нее *беспокойств...*» [4, с. 279];
6. суффиксов -и(е)-, -(j)е- – существительные, произведенные от прилагательных с приставкой без(с)-: «Какой покой, какое *безмятежие*, какая безгрешность перед Богом!» [4, с. 12], «...в *бесталаньи* человек не волен» [4, с. 83];
7. суффиксов с собирательным значением: -ств(о)- (*писательство, беженство*); -в(а) (*семинарва*).

Окказиональные имена прилагательные в публицистике И.Д. Сургучева часто образованы с помощью суффикса -ск- от фамилий выдающихся личностей, в том числе с интерфиксами -(ин)-, -(ов)-: «У Льва будет, наверное, великолепное «масло». Может быть, *ван-дейковское*. Рисунок будет *дюреровским*. Колорит *рембрантовский*» [4, с. 44]; «И так мало-помалу у меня начал образовываться *кокленовский* уголок» [4, с. 164]. Эта группа насчитывает десятки примеров: *метерлинковская* страна воспоминаний; *сезанновский* румянец; *мопассановские* кэбы; *пуссеневская* голубизна неба; блеск Невы, *кустодиевской* красавицы; *пушкинские, тургеневские, репинские* огни-истоки; *глинкинская* пружина начала раскручиваться и т. д., – что, во-первых, свидетельствует о широте общекультурной эрудиции Сургучева, а во-вторых, о его умении сочетать языковую компрессию с лиричностью, даже поэтичностью, в публицистической прозе. С помощью суффикса превосходной степени образовано окказиональное прилагательное *просвещеннейший* и др.

Посредством суффиксации получены также окказионализмы-глаголы; например, суффикс -ствова(ть)- со значением «предаваться какой-либо деятельности»: «Правая *губернаторствует, камергерствует*» [4, с. 216]. Суффиксация имеет место и в окказионализме-причастии: «Гоций, лохматый и немый провизор пожрал выхолненного *французшащего* губернатора» [4, с. 123].

Выявлены окказионализмы, произведенные по непродуктивным суффиксальным моделям: *Парижск, собаконы, Мамульянц*, (в воздухе носится) *сумасшедшина, улыбчистое* (лицо).

Среди окказионализмов, образованных **префиксальным способом**, выделяются:

1. прилагательные с префиксом архи- в значении «очень»: «Стоял *архижаркий* день» [4, с. 290]; «Горчичные зернышки *архиопытных* и *архитонких* «Последних Новостей» сделали свое дело» [4, с. 222]. Таких примеров немало: *архиталантливый, архизаконнейший, архилюбопытные* и т. д.;
2. с таким же префиксом – окказионализм-наречие, производный от прилагательного: «Российская аристократия сначала пришила ему титул «Царь любезных, верноподданнейших хамов, мужицкий царь», а затем и предательски, *архипредательски* убила его...» [4, с. 245]. Таким образом, наблюдение А. Зеленина, сопоставлявшего публицистику эмигрантов и советских авторов того же времени: «Эмигрантская пресса <...> не знала увлечения производными с префиксом *архи-*» [11, с. 136], – для сургучевской стилистической манеры неверно. У Сургучева префикс архи- участвует в создании анафоры, градации, аккумуляции и т. д.;
3. окказионализмы-прилагательные с префиксоидом полу-: «Что за устройство мозга у этого анонима, пишущего *полуинтеллигентным* почерком?» [4, с. 273]; «...и женщины, и любимые, и *полулюбимые*, и вовсе не любимые» [4, с. 306] и др.
4. окказионализм-глагол с префиксом от- в значении «прекращение интенсивного действия»: «Торрес *оторал* бы его» [4, с. 162].

Среди аффиксальных способов окказионального словообразования выявлены примеры **префиксально-суффиксальных** и **префиксально-постфиксальных** дериватов. Это глаголы: «...*прооппозиционировали* свое собственное царство, рассыпались в плену вавилонском...» [4, с. 209] (от существительного «оппозиция»); «Сестры *омилосердствовали* семь душ» [4, с. 190] (от существительного «милосердие»); «Душа принадлежит короне французской. И *допринадлежались*» [4, с. 233] (от глагола «принадлежать»). Также это наречия с конфиксом по-...-и, образованные от существительных по высокопродуктивной модели: *по-кладбищенски, по-фельдфебельски, по-инспекторски, по-игуменски* и т. д.

Особое место среди окказиональных явлений занимают окказионализмы, полученные способом **сложения**. Это существительное *дьяволочеловек* и многочисленные прилагательные, которые можно рассматривать как индивидуальные эпитеты, например: «И все больше и больше увеличивается у подъезда *человеческо-мышья* суетня» [4, с. 21]. Эту группу представляют около 40 примеров, приводим некоторые: *земнородное* утро; *блудно-европейская музыкально-симфоническая* сложность; *блестяще-идиотское* большинство; *властно-патрицианским* тоном; *рафинадно-выутьюженный* снег; *русско-актерский* хохот; *человеко-дьявольская умно-проникновенная* рожа; *радостно-молодая* кожа; *обворожительно-зловещая* тишина; *всемирно-солдатское* «сегодня ты, а завтра – я»; *развратно-острые* диссонансы; *полулетне-полуосенние* дожди; в двух *эмигрантски-туровеверовских* стихах.

Также к индивидуальным эпитетам относятся существительные, которые пишутся через дефис с одним или двумя несогласованными определениями: «И тут надо признаться, что *судьба-проказница-шалунья* и на этот раз меня побаловала и ... избавила от каторжных работ» [4, с. 106]; «Но для меня было ясно, что у нее под сердцем нет *ребенка-роли* и отсюда – томление духа, актерская пустота, актерская суета сует» [4, с. 142]. Другие примеры: *огни-истоки*, *грех-скверна*, *весна-счастье* и др.; наречие *отчужденно-далеко*.

Такие эпитеты показывают широту диапазона потенциалов языка, которые использует И.Д. Сургучев, используя новообразования языка для релевантного отображения новообразований в общественной жизни.

Способ сложения представлен наибольшим количеством примеров, что объясняется особенностью мышления человека, попавшего в «жернова истории» и пытающегося в новой данности нащупать ориентиры, собрать хотя бы простую сумму слагаемых стремительно меняющейся действительности «здесь и сейчас» для получения в будущем представления об общей сложной картине.

Наконец, в «Парижском дневнике» И. Сургучева имеются единичные примеры создания окказионализмов **сложно-суффиксальным** способом («Державы, создавшие романтический балет, в котором блистало *трёхзвездие* Тальони, Эльслер и Гризи» [4, с. 175]) и способом **сращения**: «*исторически-русское* 22 июня» [4, с. 254].

На периферии окказиональных явлений в языке публицистики Сургучева находится конверсия, а именно – **субстантивация** имен прилагательных и причастий: «Логика ясно высчитывает, что *все убегающее* где-то глупо столпится...» [4, с. 21]; «На всех *московских* есть особый отпечаток» [4, с. 40]; «...один из этих *недоумевающих* спросил меня...» [4, с. 48]; «...крючки, вяжущие нить нашей жизни, *кружевное* нашей жизни есть только в «Евгении Онегине» [4, с. 248] и многие другие примеры.

Интенсивная окказионализация в литературно-публицистическом дискурсе И. Сургучева представляет интерес как элемент системы его языкотворчества, где на различных ярусах прослеживаются яркие приметы идиостиля: на фонетическом уровне это особый ритм прозы, на лексическом – к примеру, обращение не менее чем к пятнадцати языкам, с различными способами освоения заимствований из них, на морфолого-синтаксическом – система фигур речи и синтаксические построения, символически отображающие цикличность истории, ценность литературной фиксации проживаемого момента, что выступает в статьях «Парижского дневника» лейтмотивом. На композиционном и жанровом уровне черты идиостиля складываются в узнаваемый и уникальный писательский почерк, интересный как тем, что формировался он в условиях многоязычной языковой среды на сломе эпох, так и тем, что на десятилетия продлил традиции дореволюционной отечественной публицистики и литературы, грубо оборванные на родине. Благодаря просвещенным писателям-эмигрантам,

каким был Илья Дмитриевич Сургучев, мы получаем возможность познакомиться с еще одним состоявшимся измерением русскоязычной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко Т.С. Полилингвизм в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева // Научный диалог. – 2017. – № 8. – С. 215–228.
2. Шевченко Т.С. Семантические функции кавычек в публицистике Ильи Сургучева // Медиачтения СКФУ: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 27 октября 2017 г.) / отв. ред. О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев, Т.С. Шевченко. – Ставрополь: Сервисшкола, 2017. – С. 107–117.
3. Шевченко Т.С. «Ходите достойно звания вашего»: роль православной лексики и цитат в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева (1940–1945 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №1. – С. 221–226.
4. Сургучев И.Д. Парижский дневник. 1940–1945. – Ставрополь: Товарищ, 2016. – 310 с.
5. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
6. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования: на материале окказиональной лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1998. – 341 с.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М.: Азбуковник, 2005. – 314 с.
9. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2015. – 22 с.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 193–221.
11. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). – Tampere: University of Tampere, 2007. – 664 с.

Shevchenko Tatyana Sergeyevna

Stavropol state pedagogical institute, Stavropol, Russia
E-mail: shevchenko31569@gmail.com

Occasional vocabulary in the Russian emigre press of the 1940s (based on Ilya Surguchev's journalism material)

Abstract. In our dissertation research, the hypothesis that Ilya Surguchev, a first-wave Russian emigrant, playwright, publicist, prose writer, constructs his own language system at all language levels is presented. In this article we dwell on how creatively he uses the potential of the word-formation level of the Russian language.

The article leads to the conclusion that Ilya Surguchev uses occasionalisms as a creative means to highlight the most striking signs of directly perceived reality on the break of epochs. A classification of occasionalisms is presented: they can be expressive means, to act as stylistic synonyms of well-known concepts; or perform a nominative function – they call new phenomena from the sociopolitical sphere of society.

The following observation is presented, in the text of Surguchev, occasionalisms function in quotes, either accompanied by various metalanguage markers, or without any selection.

As a result of the language study in «Paris Diary» by I. Surguchev (a collection of his journalistic articles of the 1940s), we found examples of affixal, non-affixing (compounding and conversion) and mixed methods of occasional word formation. The classification of methods of occasionalisms formation on the material of more than a hundred identified examples is carried out. The method of compounding is represented most widely. In the article, it is explained by the need of the author to find guidelines, to isolate the components of the rapidly changing reality “here and now” to get in the future the idea of the overall complex picture. The article says that the accumulation of examples of one technique in one or another compositional part of the work, in its turn, serves to create a complex repetition, anaphora, epiphora, gradations, parallelism, etc.

It is especially emphasized that the style of Surguchev was formed in the conditions of a multilingual language environment on the break of epochs and extended the traditions of pre-revolutionary national journalism and literature for decades.

Keywords: occasional words; word formation; methods of word formation; language of journalism of the first wave of Russian emigrants; Ilya Surguchev; idiostyle

REFERENCES

1. Shevchenko T.S. (2017). Polilingism in Emigrant Journalism of Ilya Surguchev. *Scientific Dialogue*, 8, pp. 215–228 (in Russian).
2. Shevchenko T.S. (2017). Semanticheskie funktsii kavyчек v publitsistike Il'i Surgucheva. Ed. by O.I. Lepilkina, A.M. Gorbachev, T.S. Shevchenko. [*Semantic functions of quotation marks in journalism by Ilya Surguchev.*] Stavropol: Service School, pp. 107–117.
3. Shevchenko T.S. (2018). “Walk worthy of your title”: the role of Orthodox vocabulary and quotes in emigrant journalism by Ilya Surguchev (1940–1945). *Humanitarian and legal studies*, 1, pp. 221–226 (in Russian).
4. Surguchev I.D. (2016). Parizhskiy dnevnik. 1940–1945. [*Paris diary. 1940–1945.*] Stavropol: Comrade, p. 310.
5. Miloslavskiy I.G. (1980). Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza. [*Questions of word-formation synthesis.*] Moscow: Moscow State University Publishing House, p. 296.
6. Izotov V.P. (1998). Parametry opisaniya sistemy sposobov slovoobrazovaniya: na materiale okkazonal'noy leksiki russkogo yazyka. [*Parameters for describing a system of word-formation methods: on the material of occasional vocabulary of the Russian language.*] Eagle, p. 341.
7. Zemskaya E.A. (2005). Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. 2-e izdanie. [*Word formation as an activity. 2nd edition.*] Moscow: KomKniga, p. 224.
8. Ulukhanov I.S. (2005). Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka. [*Motivation in the word-formation system of the Russian language.*] Moscow: Alphabet, p. 314.
9. Tsyganova N.D. (2015). Poliaspektnoe opisanie neoleksem (po materialam slovotvorcheskikh internet-saytov). [*Polyaspect description of neo-lexemes (based on materials of word-making internet sites).*] Abakan, p. 22.
10. Khaydegger M. (1993). Pis'mo o gumanizme. [*Letter of Humanism.*] Moscow: Republic, pp. 193–221.
11. Zelenin A. (2007). Yazyk russkoy eh migrantskoy pressy (1919–1939). [*The language of the Russian emigrant press (1919–1939).*] Tampere: University of Tampere, p. 664.